

"Позволь себе целовать меня (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

==== Часть 1 =====

Когда это случается в первый раз, Джон делает сэндвич. Осталось четыре кусочка хлеба, и он их присваивает – если Шерлок хочет сэндвич, то хоть раз он может пойти и купить хлеб – рядом лежат маленькая головка сыра чеддер и ярко-красный, зрелый помидор. Джон тонко режет сыр, толсто – помидор и начинает солить его, когда дверь открывается.

Джон по старой привычке быстро оглядывается через плечо, но это всего лишь Шерлок. Он накрывает получившиеся сэндвичи двумя оставшимися кусочками хлеба и разрезает пополам, прежде чем развернуться полностью.

Шерлок сортирует небольшую стопку почты – каталоги и, в основном, рекламу; оказавшийся там счёт за коммунальные услуги, о котором Джону не хочется знать – и ставит на стол знакомый бело-сине-красный полиэтиленовый пакет.

- Ты ходил в Теско? – спрашивает Джон, потому что, несмотря на месяцы проживания с великолепным Шерлоком Холмсом и обыкновение видеть самые странные вещи на улицах Лондона, всё ещё существуют вещи, которых невозможно ожидать. Есть вещи, которые просто не случаются.

Например, Шерлок, делающий покупки в магазине.

- Мне нужен был малиновый сироп. Я хочу проверить, как его разбавление влияет на пятна, и он также хорош для того, чтобы изучить саму модель разбрызгивания. Тебе был нужен хлеб, – говорит Шерлок, вытаскивая батон и держа его на вытянутой руке. Вполне вероятно, что он понятия не имеет, где находится хлеб между своим пребыванием в магазинном пакете и волшебным появлением на его тарелке сэндвичем. – И молоко.

Джон кивает и берёт хлеб.

- Ещё даже не закончилось.

Он кладёт его в холодильник на верхнюю полку, игнорируя хлебницу на нижней полке. Это компромисс. Единственный протест Джона по отношению к разным частям тела в холодильнике – это то, что он не хочет видеть их пораньше с утра; таким образом, он их не видит и не нуждается в знании, что Шерлок там изучает. (Это не голова. Голова бы не влезла туда, если бы только не была распилена на три части... это определённо не то, о чём он бы хотел думать).

- Передашь молоко?

Джон ждёт пояснений насчёт хлеба – возможно, начало дня с душа определённой продолжительности, подразумевает, что он решит приготовить два сэндвича на ланч – но Шерлок передает его, ничего не сказав.

Закрыв холодильник, Джон поворачивается и обнаруживает, что Шерлок стоит прямо за ним. В трёх дюймах от него, если быть точным.

Это должно насторожить. Должно заставить Джона подпрыгнуть, вздрогнуть или ещё как-то отреагировать, как обычно делают люди, когда пугаются, но это же Шерлок. Шерлок с его бледными, пронизательными глазами, буйными волосами и выглаженным воротником, и этот Шерлок не выглядит угрожающим. Скорее, любопытным, разочарованным или восхищённым, в зависимости от того, изнемогает ли он от скуки в квартире или же работает над делом.

С его природной осмотрительностью и вбитой войной привычкой взгляд-оценка-выстрел, Джон знает, как вычислить угрозу. Иногда он даже достаточно сообразителен и способен остановиться, прежде чем включается функция «кричать и сражаться». Но ничто в Шерлоке, даже то, что он стоит так нелепо близко, не говорит об опасности.

Ему скорее любопытно. Шерлок смотрит на него, и Джону интересно, что тот ищет. Пыль на воротнике, доказывающую то, что он поддался напору миссис Хадсон и вытер полки, заваленные книгами Шерлока? Перхоть, доказывающую, что ему пора перейти на Head & Shoulders? Или что-то более неестественное и нелепое, какие-нибудь крохотные и обличающие детали, которые люди считают личными и никому не ведомыми.

Шерлок целует его.

Первая мысль Джона достаточно странная: забавно, что происходит в твоей голове. Последний раз, когда он целовался с кем-то, кто был выше него, был с Дженни Харгривс, в пятом классе. У неё были ноги от ушей, она носила юбки, заканчивающиеся гораздо выше колена, и за пять восхитительных недель он заработал растяжение шейных мышц от того, что целовался и обнимался с ней.

С тех пор он встречался с девушками ниже него, в юбках подлиннее, и привык наклоняться при поцелуе. Но единственный раз он не склоняется вниз и не тянется вверх. Шерлок наклонил голову ровно настолько, убирая разницу в несколько дюймов, чтобы коснуться своими губами губ Джона. И губы Шерлока тёплые, немного приоткрытые, тёплые как прикосновение носа Шерлока и мягкий выдох у щеки Джона. Холодная рука Шерлока касается майки под расстёгнутой кофтой Джона.

Глаза Джона, как и Шерлока, открыты, он недоумевает, что затевает Шерлок. В этом должна быть логика. Какой-нибудь нелепый эксперимент с теплотой тела, интенсивностью дыхания или тестирование нового способа обчистить карманы. Шерлок творит невообразимое по странным причинам, но за всем этим всегда что-то кроется, будь это что-либо логически обоснованное или же простая любознательность. Иногда просто требуется время, чтобы объяснить эти причины Джону.

Шерлок отодвигается, осторожно смотрит на Джона, затем кивает. Повернувшись, он забирает тёмно-красный сироп и уходит, предположительно в свою комнату.

Джон проверяет, в кармане ли его бумажник, затем проверяет, на месте ли его содержимое. Затем он берёт сэндвичи, идёт на диван и включает телевизор.

==== Часть 2 =====

Когда это случается во второй раз, Джон ещё не вполне проснулся. Он провёл всю ночь, мучаясь кошмарами, поразительно яркими снами, которые исчезали, когда он тянулся к оружию, затаив дыхание, чтобы не выдать своего местонахождения. Он ненавидит просыпаться от этих снов с пустыми руками и переполненной головой, и даже если он, в конечном счёте, снова засыпает, такие ночи всё равно не приносят отдыха.

Но уже восемь утра, светло, он практически проснулся, поэтому он вяло спускается по лестнице, почти не открывая глаз, крепко держась за перила. Он перемещается в кухню, глаза всё ещё закрыты, и Шерлок спрашивает:

- Будешь чай?

Ответом на это будет «да», но это подразумевает, что Шерлок хочет, чтобы Джон приготовил чай. Джону удаётся приоткрыть один глаз, и он устремляет взгляд на Шерлока.

- Вот, - говорит Шерлок, направляясь к нему и держа нечто, что определённо напоминает чайную чашку.

- Ты? Чай? - Джон имеет в виду «Ты, Шерлок Холмс, знаешь, как приготовить чай, и наконец-то решил воспользоваться этим весьма полезным умением?» но это будет означать, что ему придётся сказать слишком много слов в противовес тому, что он очень мало спал.

- Миссис Хадсон приготовила его, - Шерлок втискивает горячую чашку в руки Джона и наклоняется вперёд, чтобы поцеловать его в губы. Лёгкий утренний поцелуй с сомкнутыми губами, подразумевающий, что один из них ещё не почистил зубы.

- Утро, - говорит Шерлок и исчезает, оставляя Джона одного с замечательной, дымящейся горячей чашкой чая.

Не раньше, чем Джон допивает чай и ему удаётся продрать глаза, он осознаёт, что с этой ситуацией что-то сильно не так. Он ставит чашку и блюдо рядом с принадлежащим миссис Хадсон пустым заварочным чайником с голубыми цветочками и идёт в комнату Шерлока.

Шерлок уже оделся, он стоит, опираясь одной рукой на стену, без всяких видимых на то причин.

- Стой, - говорит Джон, несмотря на то, что Шерлок никуда не собирается. - Миссис Хадсон сделала нам чай?

Шерлок быстро улыбается улыбкой Чеширского кота.

- Я пообещал, что мы протрём полки.

- Я сделал это несколько дней назад.

- Я знаю. Но миссис Хадсон пока не знает. Почему-то вознаграждение за обещание что-то сделать всегда более достойное, чем вознаграждение за то, что ты уже сделал.

Джон хмурится.

- Но ты использовал обещание моего труда, чтобы присвоить вознаграждение себе.

- Действительно, - соглашается Шерлок, отталкиваясь от стены и изменяя положение рук плавным движением, - я пообещал, что ты поработаешь. Значит, я в доле.

- Из целого чайника я получил только одну чашку?

- Я распределил части соответствующим образом и включил твой взнос за переговоры.

Джон отправляется принимать душ, бормоча под нос о том, что неплохо бы Шерлоку и горячую воду распределять «соответствующим образом».

==== Часть 3 =====

В третий раз это случается после курицы в соусе по-индийски[1]. Шерлок пытается отыскать

достойный индийский ресторан, где в блюдо добавляют подходящее количество специй. Шерлок считает, что разная степень остроты в каждом из ресторанов отразит общую степень пряности всех блюд, приготовленных здесь; Джон думает, что третий вечер есть курицу в соусе по-индийски в разных ресторанах становится слишком однообразным. (Это заставляет его странно ностальгировать по армейской еде: один и тот же жуткий паёк снова и снова лишь с небольшими различиями во вкусе).

Шерлок проводит каждую трапезу, смотря, наблюдая, ментально каталогизируя каждую подмеченную деталь, запах или звук. Джон пытается завести разговор, спрашивая, почему именно курица в соусе, только для того, чтобы Шерлок закатил глаза, отвечая:

- Если виндалу[2] окажется в три раза острее, чем ты ожидаешь, то это не будет приятным опытом или тем, что ты хотел бы повторить, - но Шерлок концентрируется. Он наблюдает и делает выводы. Он работает, по общему мнению, охотнее предпочитая странные ценности «работы».

Джон не может отделаться от ощущения безумности ситуации. Иногда жизнь с Шерлоком заставляет почувствовать себя ненужным в своей собственной жизни; но, временами он знал, что он единственный, кто убергает Шерлока от удушения как полицией, так и преступниками.

Но в конце ужина Шерлок попросит его оценить количество специй в блюде, общую пряность, исключительность вкуса и качество риса, курицу, напитки и обслуживание. Шерлок подготовил карточки, которые Джон должен заполнить до того, как они встанут из-за стола. (Джон размышляет, выглядят они как ресторанные критики или как критически настроенные туристы).

- Как ты за всё это платишь? - спрашивает Джон, когда они идут домой. Ночь достаточно тепла для того, чтобы Шерлок остался только в костюме, без плаща и шарфа, так что Джон отказывается, когда тот на автомате предлагает поехать на такси.

- Кредиткой, - отвечает Шерлок, махнув ярко-оранжевой карточкой с именем Донован. - В прошлый раз платил Андерсон. А Лестрейд платил позавчера.

- Они полицейские. Не думаю, что они хорошо отнесутся к воровству, - говорит Джон, но он так не думает. Трудно выказывать неодобрение, когда Шерлок выглядит таким довольным собой.

- Я заменил её на поддельную и верну оригинал утром. К тому времени, как они увидят месячный счёт, они уже ничего не смогут сделать.

Джон думает о тех трёх ресторанах, в которых они были. Если отметить их на карте, они бы составили треугольник, центром которого стала бы Бейкер-стрит 221В.

- У Лестрейда уйдёт тридцать секунд, чтобы понять, что это ты.

- О, они узнают, что это сделал я, - его улыбка сверкает в свете уличного фонаря, - но они не поймут, как. И не смогут ничего доказать.

Он должен был знать. У Шерлока не было дела неделю, так что насмеяться над полицейскими служащими - отличная идея. У Джона были соседи и раньше, когда он учился в университете Св. Барта, поэтому он привык к безобразным кухням, несвежим, открытым бутылкам пива, полуодетым незнакомцам, слоняющимся по комнате и готовящим себе завтрак. Он даже помнит слабый сладковатый запах людей под кайфом, и только теперь он спрашивает то, чего раньше никогда не спрашивал:

- Я полагаю, ты убедился, что в квартире чисто?

- Разумеется, - Шерлок замедляется, когда они подходят к закуской, находящейся под их квартирой. Он останавливается у двери и говорит:

- Я ещё пройду. Они работали на Уэймос-стрит, и я хочу знать, как это повлияло на пешеходное движение.

- А я лягу спать пораньше, - Джон пожимает плечами. - Так что увидимся утром.

- Хорошо, - говорит Шерлок, потом он тянется вперёд и целует Джона. Одна рука на его плече, они стоят на пороге, и ничто не указывает на то, что это не просто поцелуй на ночь. Они на улице, близко друг к другу, глаза Шерлока закрыты, и рот тёплый и влажный. Язык Шерлока у самых губ, он не давит, не требует, но он здесь, живой, приглашающий и демонстрирующий ясную возможность секса. Это поцелуй, которым заканчивают особенно хорошее свидание.

Ужин для двоих, и Шерлок платил. А сейчас Джона целуют, желая доброй ночи, у входной двери.

Шерлок отодвигается и говорит:

- Спокойной ночи.

Намёк на улыбку, не такую самодовольную, как раньше, а слабую и удовлетворённую, а затем Шерлок уходит.

Словно ничего такого не произошло. Словно «Я хочу проверить третий ресторан, Джон» одно и то же с «Пойдёшь со мной на свидание? Как насчёт ужина?».

Словно Шерлоку позволено менять правила в любой момент только потому, что он этого хочет.

И вот, думает Джон, нарочно еле втаскивая ноги на ступеньки по пути в комнату, самой раздражающей частью всего этого является то, что Шерлок меняет правила, не предупреждая. Свидания предполагают весёлое и живое времяпрепровождение: должен быть флирт и попытки показать себя лучше, чем ты есть. Джон хорош в этом. Он обычно не проводит свидания, тихо сидя за столом и играя в тетрис на мобильном, пока Шерлок использует свой секретный специометр.

Обычно так не делается, - ловит Джон себя на этой мысли, готовясь ко сну. Глупое предположение. Шерлок никогда ничего не делает так, как оно обычно должно делаться.

Примечания переводчика:

[1]Курица в соусе по-индийски - ещё известна как мург махани: индийское блюдо, популярное в странах по всему свету (нежные кусочки курицы в томатно-сливочном соусе).

[2]Виндалу (разновидность карри; пользуется большой популярностью в Великобритании; из южноиндийской кухни).

===== Часть 4 =====

На следующее утро Джон сомневается. Его терзает искушение выпалить вопрос, задать его

Шерлоку в лоб, было ли это вчера свиданием или чем-то... более обыденным? Более типичным для Шерлока? Менее романтичным? Он не знает, как сформулировать вопрос, не говоря уже о том, чтобы задать его.

Когда он проснулся, Шерлока уже не было, но на диване валялось брошенное одеяло, и в холодильнике появилась вторая хлебница (Джон не заглянул в неё. Лучше не знать), следовательно, Шерлок побывал дома ночью.

Он оставил на обоях сообщение карандашом, написанное округлым почерком: Ушёл по собачьим делам. ШХ

Джон читает и старается не рассмеяться. Потом он вспоминает, что предоставлен самому себе - если не считать того, что бы ни находилось сейчас в холодильнике - и сдаётся.

Самое забавное, что Шерлок был, вполне вероятно, серьёзен насчёт сообщения. Он действительно сейчас говорит с кем-то о собаках. Он даже не задумывается о возможных нелитературных интерпретациях этой фразы.

Это как с солнечной системой. Шерлок знает о магнетизме Северного полюса и о его влиянии на навигацию, совершенно не заботясь о том, что это из-за того, что Земля непрерывно вертится. Вещи, которые нормальные люди знают, Шерлок... нет. В его знаниях огромные зияющие дыры, но они его не заботят.

Аналогично вещам, которые делают обычные люди, Шерлок умудряется делать всё по-своему. Большинство, видя бездомную девочку на улице, дают ей пятёрку из жалости, заботясь о другом человеческом существе, из-за либеральной вины за свои собственные комфортные жизни или потому что благодаря этому они выглядят щедрыми в чужих глазах. Шерлок же платит бездомным, чтобы содержать свою подпольную шпионскую сеть.

Прошлой ночью могло быть свидание. Все признаки налицо. Если бы кто-нибудь другой, не Шерлок (и не Майкрофт) - мысленно поправляет себя Джон - он бы с лёгкостью допустил такое предположение. Но это не так, поэтому...

Джон вытаскивает кусок бумаги и находит в куче на кухонном столе ручку. Расчищает достаточно места, чтобы сесть и писать, и начинает составлять список возможных мотивов.

1. Попытка стащить что-либо из карманов.
2. Тестирование незаметных техник наблюдения а-ля в фильмах Бонда.
3. Проверка реакции публики - сколько шуму это может наделать? Или измерение масштаба гомофобии в различных районах Лондона? (Но Шерлоку пришлось бы повторить эксперимент в других частях Лондона, иначе это не имело бы смысла).
4. Способ поиздеваться над Майкрофтом? Ребячество, но вполне похоже на Шерлока. Может, за ними следят? Шерлок отказался от выполнения какого-то государственного дела?
5. Чтобы миссис Хадсон было о чём посплетничать. Возможно, чтобы отвлечь её от тёмно-синих потёков в чайнике? (Как Шерлок умудрился?)

Множество мыслей, оканчивающихся вопросительными знаками. Слишком много для того, чтобы Джон смог выбрать, и ни один из них не выглядит достаточно нереальным, чтобы

Шерлок смог им вдохновиться. Но, зная Шерлока, возможно абсолютно всё.

Шерлок любит выдвигать предположения и опровергать их, так что в конце Джон добавляет:

6. Настоящее свидание из простого романтического интереса.

Это выглядит настолько смехотворным, что он решает просто нацарапать этот вариант. Или оставить на столе, чтобы Шерлок выбрал правильный.

==== Часть 5 =====

В больнице он ставит свой ланч на стол и вытаскивает листок из кармашка рубашки. Шерлок высказывался о разнице между невозможными и неправдоподобными вещами, и если он действительно написал шесть пунктов, то они все неправдоподобны, но не полностью невозможны. Технически, в любом случае ничто не может быть невозможным для Шерлока.

Чего хочет Джон, так это придумать седьмой вариант. Что-нибудь, что имело бы смысл.

Не придумав, он бы хотел услышать чужое мнение, но, так как это мнение должно касаться Шерлока, то получить его сложнее, чем кажется. В основном, Шерлок преуспевает только тогда, когда это касается плохих сторон людей. Взять, к примеру, Сару.

Хорошая, рациональная, милая девушка, пережившая самую ужасную ночь в своей жизни, пока имя Шерлока витало в воздухе. Её холодное отношение к Шерлоку объяснимо, в том числе это означает, что Джон не собирается спрашивать её мнение касательно этой ситуации.

Миссис Хадсон всегда думала, что они с Шерлоком пара, так что это бессмысленно. Лестрейд знает только о том, что они снимают вместе квартиру, но говорить с Лестрейдом на эту тему для обоих было бы очень неловко. Лестрейд и так натерпелся от Шерлока, и Джон не собирается подкидывать ему ещё и это, чтобы сделать работу бедного парня ещё труднее.

Единственный, кто знает, кем является Шерлок за своим развевающимся пальто и блестящим интеллектом, это...

Майкрофт.

У Джона есть номер Майкрофта.

Джон также подозревает, что настоящий образ Майкрофта (как самого опасного человека, которого вы когда-либо встретите) не просто хвастовство, поэтому было бы странно интересоваться ни с того ни с сего о его любовных похождениях; и как быть, если его брат и впрямь хочет заняться сексом?

Но ничего страшного, если он оставит эту возможность в списке, верно? Он вполне уверен, что делал уже куда более глупые вещи в качестве соседа Шерлока и его коллеги по распутыванию убийств. Он уже стоял в поясе смертника под прицелами снайперов и был атакован профессиональным международным убийцей. Это почти то же самое.

Джон выбирает один из контактов в мобильном, закрывает глаза, глубоко вдыхая, и звонит. Ответ следует на первом же гудке.

- А, Джон, - Майкрофт отвечает голосом, похожим на охлаждённые сливки (спокойным и очень, очень холодным). - Несмотря на то, что я всегда рад вас слышать, ради целесообразности,

позвольте мне заявить, что я не говорил с Шерлоком и не предлагал ему никаких консультаций или дел с тех пор, как я в последний раз посещал вас на 221В.

Как всегда, Майкрофт делает ударение на букве «В» в их адресе. Джон подозревает, что тот находит оскорбительным то, что один из Холмсов живёт в здании, где номера квартир имеют буквы[1]. Учитывая, что «незначительное» правительственное положение Майкрофта позволяет ему жить во внушительном доме с видом на Гайд-парк (если верить пешим прогулкам Шерлока), выбор Шерлоком дохода и апартаментов выглядит как восстание против семейства.

Джон постукивает по пункту четыре в списке, но прежде чем он успевает спросить, как Майкрофт узнал, почему он звонит, тот говорит:

- Я знаю Шерлока. Мне не нужно знать специфические обстоятельства, чтобы быть уверенным, что вы бы позвонили мне - во время вашего обеденного перерыва в клинике, полагаю - чтобы удостовериться, что последние спектакли Шерлока не прямой отклик на мои попытки связаться с ним.

Джон кивает. Он говорит по телефону, но кивает. Майкрофт продолжает:

- Примите мои извинения за невежливость, но у меня неотложное дело. Передайте Шерлоку мои наилучшие пожелания, - и затем вешает трубку.

Набор номера - вот весь вклад Джона в эту беседу. Он и слова не сказал. Майкрофт не нуждается в том, чтобы говорить с черепами; для этого он использует подчинённых. Джон не знает, делает ли это его лучше или хуже, чем Шерлок... Он останавливается на том, что вся семья Холмсов причиняет больше проблем, чем того стоит.

От обеда осталось десять минут, так что он заходит на новостной сайт BBC. А неотложное дело Майкрофта Холмса наверняка то, о чём СМИ никогда не сообщат по той причине, что никогда об этом не узнают, но он всё равно проверяет.

Примечание переводчика:

[1] Насколько мне известно, номера квартир в элитных домах не имеют букв. Буквы имеются только в номерах съёмных квартир для среднего и низшего классов.

==== Часть 6 =====

Джон дорабатывает четыре дополнительных часа за приболевшего коллегу (Сара очень мило попросила его и подкупила пиццей) и по возвращении находит квартиру тёмной и заброшенной. Признаков Шерлока в ней нет - кухонные столы такие же чистые, какими он их оставлял - поэтому Джон сразу идёт вверх. Он открывает дверь спальни, стягивает кофту, надеясь, что потом вспомнит об оставленных в кармане ключах. Он сбрасывает туфли, лениво вытаскивая из них ноги, не утруждая себя развязыванием шнурков, и включает прикроватную лампу. Джон снимает джинсы, стаскивает через голову джемпер и поворачивается, чтобы взять футболку, в которой обычно спит.

Его рука застывает под подушкой, на мягкой ткани футболки. На другой стороне кровати - не его стороне, что Шерлок, вероятно, знал - калачиком свернулся Шерлок. Он в пижаме на пуговицах и серой футболке с накинутым поперх тёмно-синим халатом. Шерлок лежит спиной

к стене, колени прижаты к груди, руки свободно откинута под углом в семьдесят градусов, он умудряется занять всё место, создавая видимость, что это не так. Он лежит на пуховом одеяле, его бледные босые ступни практически одинакового цвета с постельным бельём Джона бело-жёлтого цвета (не в его вкусе; подарок от Гарри), и, насколько Джон может судить, он спит.

Джон привык к нереальному. Погони за наёмными убийцами в трущобах Лондона – нереально. Самоцензура блога, чтобы удалить всю «...и тогда они пытались застрелить, задушить, удавить и/или избить нас до смерти...» часть – нереально. Прийти домой, чтобы найти без приглашения устроившегося в его кровати уснувшего соседа по сравнению с этим настолько нереально, что Джон решает не думать об этом прямо сейчас.

Он вытаскивает футболку. Переодевается и забирается в постель. Джон собирается выключить свет, когда Шерлок говорит:

- Доктор Нгуен наконец стал жертвой гастроэнтерита.

Его голос кажется хриплым со сна, но когда Джон осторожно поворачивает голову, глаза Шерлока такие же яркие, как и всегда. Всё, что может придумать Джон, чтобы сказать, кажется банальным или глупым. Шерлок приподнимается на локте и подаётся вперёд:

- Ты должен был быть дома три часа назад, - говорит он, хотя Джон опоздал на четыре часа. Очевидно, шестьдесят минут были запланированной задержкой. Может, комбинация погодных условий и ремонта поезда, или Шерлок ожидал, что Джон ездил выполнять чьи-то поручения.

У Джона был долгий день. Так что он не собирался начинать спор, который даже выиграть не может.

Шерлок садится, его волосы немного примяты на правой стороне, и склоняется над Джоном. Тот ничего не говорит, в то время как Шерлок приближается, смотря в его глаза взглядом леопарда, наблюдающего за жертвой, пока не ощущает на коже тёплое дыхание Шерлока и его губы на своих.

И тогда Джон думает: ерунда всё это.

Он не собирается просто лежать, пока Шерлок делает всё, что собирался. Если его целуют из каких-то неизвестных побуждений – даже не сказав, зачем, независимо от того, как терпеливо он ждал объяснения – по меньшей мере, он может насладиться этим. Если Джон собирается сделать это, то он сделает это правильно.

Джон запускает руку в волосы Шерлока, прижимая пальцы к его голове, и притягивает того ближе. Он держит его, наклоня голову и пробегая языком по внутренней стороне острых зубов. Джон ощущает резкий вдох и не отпускает Шерлока. Поцелуй был глубоким, влажным и немного грязным (в хорошем смысле), такой поцелуй, из-за которого кожа становится влажной от пота, вырываются страстные стоны и приглушенные ругательства.

Шерлок не сопротивляется. Он закрывает глаза, из его груди доносятся низкие стоны, свободная рука хватается за здоровое плечо Джона и время от времени сжимается. Когда Джон почти теряет сознание от нехватки воздуха, он отпускает Шерлока. Шерлок приподнимается, и, мигая, смотрит на Джона. В полутьме его глаза тёмные, а губы красные и блестящие. Слегка задыхаясь, Шерлок заявляет:

- Результат превзошёл мои ожидания.

- Да, насчёт этого...

Но Шерлок перебивает:

- Нет, это будет отлично.

Он наклоняется, целует Джона снова и... Джон всегда был равнодушен к поцелуям. Ему нравится это, ему нравится запускать пальцы во взъерошенные волосы Шерлока, сжимать его так, что Джон теряет голову, поднимается и прижимается сильнее, чтобы снова услышать этот резкий выдох Шерлока.

Когда они прерываются, чтобы вдохнуть, одна рука Джона на шее Шерлока, а другая обхватывает его бедро, касаясь кончиками пальцев тёплой кожи, скрытой под его поясом. Джон должен остановиться сейчас, пока он ещё может думать.

- Что, - говорит он с чувством, - намечается акт мужеложства, Шерлок?

Шерлок кивает.

- Ну, по сути, да.

На мгновение Джон забыл, что он в кровати - в кровати! - в панике пронзительно орёт его внутренний голос - с прищельцем. Инопланетянином, который наблюдал Земную культуру и выучил язык по какому-то Англо-Холмсианскому словарю, но в действительности ничего из выученного не понимает.

- Шерлок, - Джон предпринимает ещё одну попытку. Спокойно, контролируя себя. Пытаясь абстрагироваться от ситуации, чтобы свести количество жертв к минимуму. - Это четвёртый, нет, пятый раз, когда ты меня целуешь. Почему?

Шерлок не хмурится, но выглядит раздражённым. Если он скажет, что они тратят время на бессмысленные объяснения, то Джон выкинет его из кровати.

- Это прелюдия.

- Хорошо, - каждый ответ, который даёт Шерлок, технически правилен, но ни один из них не даёт представления о том, чем Шерлок мотивируется. Туманные ответы наряду с правдивыми фактами - не то, за чем обычно следует хороший секс. - Но почему?

Шерлок отводит взгляд, задумавшись.

- Я не уверен. Я полагаю, что после интимной близости (при том, что мы оба полностью одеты), следующим логическим шагом будет секс. Культура пресытила его эмоционально-субъективной окраской, но я верю в то, что это ведёт к улучшению стабильных отношений, - Шерлок говорит так, словно отношения - просто ещё одно достижение инженерного искусства, которые соединяет физика. - Но я сомневаюсь, что это нечто большее, нежели способствующий фактор.

Джон снова напоминает себе, что перед ним пришелец. Ему действительно нужен экземпляр этого Англо-Холмсианского словаря.

- Я не спрашивал, ведут ли поцелуи к сексу. Почему ты решил спать со мной?

- Я не собирался. Я уснул только потому, что ты опоздал.

- Прекрати уходить от вопроса! – Джон вскидывает руки к потолку. Потолок не помогает.
- Или прямо объясни, почему ты хочешь со мной переспать, или выметайся из моей кровати.

Шерлок садится, выглядя взбешённым, и сверкает глазами на Джона.

- Ты нарочно придуриваешься.

Шерлок говорит так, словно это самое унижительное оскорбление, которое он знает.

Джон смотрит, как тот идёт к двери, а затем демонстративно отворачивается.

Переизбыток Шерлока в его жизни повлиял на его здравомыслие и также испортил его мозг. Логически, он знает, что действовал рационально, обоснованно, задавая вопросы, которые задал бы любой, оказавшийся на его месте. Он рассержен на Шерлока, но он поступил оправданно. Он должен чувствовать, что поступил правильно.

Но образовавшаяся в груди пустота, причиняющая боль – та неловкость, которую он легко вычисляет. Это – вина. Едва кажущаяся заслуженной.

===== Часть 7 =====

Шерлок расположился на диване, читая учебник выцветшего синего цвета. Он не сидит – это было бы слишком нормально. Нет, Шерлок лежит на спине, держа книгу на весу над головой. Его бедра рядом со скамеечкой для ног, голова рядом со скрипкой, его смехотворно длинные ноги свешиваются с края дивана, и босые ступни касаются пола.

Это зрелище заставляет Джона застыть в дверях.

- Ты выглядишь, как участник труппы цирка дю Солей, наслаждающийся антрактом, – говорит он.

Шерлок не отрывается от учебника толщиной в три дюйма.

- Ладно, – говорит Джон. Шерлок дулся всё утро, до смешного явно показывая, что он не разговаривает с Джоном. – Я сделаю тосты. Будешь?

Он не ожидает ответа, но всё равно задерживается перед тем, как пойти на кухню.

Периоды дурного настроения у Шерлока напоминают фанатов Манчестер Юнайтед, смотрящих матч: очевидно, неприятно и жутко громко. Здесь меньше звуков, функцию цветов команды выполняет пижама, но всякий раз, когда Джон подступает ближе к журнальному столику, Шерлок водит смычком по скрипке, извлекая такие звуки, какими мог бы гордиться любой футбольный болельщик.

Это не так раздражает, как должно бы. До тех пор, пока Шерлок не начинает развлекаться с пистолетами и взрывчаткой, его приступы хандры и неистовая скука не беспокоят Джона. Он думает, что Шерлок только так может показать своё расстройство, словно он проскочил подростковые года болезненного самоосознания и самобичевания и никогда не знал, что стать взрослым значит терпеть, делая те вещи, которые не хочешь делать, потому что надо.

Шерлок относится к термину «гений» как к точному самоописанию, и он поразителен тем, на что способен, но когда ему скучно, он превращается в испорченного ребёнка. Во многом он великолепный человек с эмоциональными и социальными навыками девятилетнего.

По правде говоря, Джон втайне считает его привлекательным. (Впрочем, он никогда не скажет этого. Нет смысла поощрять дурное поведение). Это настолько смешотворно, что Джону придётся постараться, чтобы не превратить всё это в цирк.

Он намазывает ещё два куска хлеба маслом и берёт вторую тарелку.

Шерлок следит за ним, пока Джон ставит её на журнальный столик, и тянется рукой за голову, к скрипке.

Джон понимает намёк.

===== Часть 8 =====

Джон уходит на прогулку, оставляя Шерлока яростно читающим на диване. Он блуждает по улицам, наслаждаясь летним теплом солнечных лучей на лице. Эта жара слабо сравнима с палящим зноем Афганистана, вообще странно, что он тоскует по жаркому солнцу и постепенно усугубляющимся солнечным ожогам. Когда он был там, он бы и не подумал, что будет тосковать по чему-либо, когда, наконец, вернётся домой.

В основном он задаётся вопросом, как он мог «нарочно придуриваться», когда он действительно понятия не имеет, что происходит в его собственной квартире. Он делает петлю, огибая станцию, и возвращается, не обращая внимания, куда бредёт, до тех пор, пока почти не оказывается дома. Он вытаскивает мобильный и набирает Сару, чтобы поинтересоваться, не нужен ли больнице ещё работник.

- Нет, спасибо, - тепло отвечает она, - я позвонила Стивену, так что у нас есть полный штат.

- Что ж, если понадобится, - говорит Джон немного разочарованно из-за того, что он потерял уважительную причину, чтобы избежать Шерлока в течение ещё нескольких часов. - У тебя есть мой номер.

- Спасибо.

“Это то, чего Шерлок никогда не скажет”, - думает Джон, опуская мобильный в карман. Такие мелочи как «спасибо» и «пожалуйста», по мнению Шерлока, совершенно не важны. Объяснение хода своих мыслей или того, над чем он работает. Все эти скучные детали Шерлок презирает и избегает.

Но Джону они жизненно необходимы.

Он идёт прямо в гостиную, шествует к дивану и хватается за скрипку. Шерлок поднимает одну руку, и его пальцы обхватывают край скрипки, но неудачно, так что Джону нужно всего лишь отклониться, чтобы выдернуть её.

Шерлок быстро садится, разворачивая ноги и злясь.

- Это моё, - говорит он низким и обиженным голосом.

- Приятно знать, что ты не потерял способность говорить. Я начал сомневаться, - говорит Джон, кладя скрипку на кресло. Шерлок всё ещё сидит выпрямившись, смотря на Джона и выжидая, пока тот уйдёт, тогда он бы снова мог дуться себе в тишине и покое.

Глумится Шерлок совсем непривлекательно.

- Знаешь, она встречается со своим бывшим.

Семь шагов до журнального столика – столько времени требуется Джону, чтобы вычислить, кого Шерлок имеет в виду. Не Donovan, потому что она ещё с Андерсеном. Не Гарри, потому что Гарри бы сказала ему, если бы Клара вернулась. Не миссис Хадсон, потому что Шерлок её любит и не будет использовать в споре.

- Сара? – спрашивает Джон. Он размышляет о том, как она ушла с обеда на прошлой неделе, радостная, а когда упомянула, что идёт на встречу со старым другом, чувствовала себя слегка неловко.

- Я так и думал, что что-то происходит.

- Последние шестнадцать дней, насколько я могу судить.

Обычно, Джон спросил бы, как Шерлок узнал, но, скорее всего, тот использует Сару, чтобы перевести тему. У Джона есть ещё кое-что, что он хотел бы спросить.

Джон обходит журнальный столик и садится на него прямо напротив длинных, согнутых в коленях и прижатых к груди ног Шерлока. Он ставит локти на его колени и думает, что если Шерлок соберётся смыться в этот раз, то Джон сможет держать его на диване до тех пор, пока не получит ответа.

- Прошлой ночью, - говорит Джон, и глаза Шерлока опасно сужаются, - ты сказал, что я придуриваюсь. Насчёт чего?

Шерлок молчит. Он недооценивает Джона. У Джона годы военной подготовки ушли на то, чтобы научиться сидеть и ждать, даже если не вполне ясно, чего и зачем.

Наконец, Шерлок вздыхает.

- Ты знаешь, сколько было повторено экспериментов? Как много теорий забраковывалось, снова и снова? Едва ли неверная ранняя гипотеза это научный провал.

- Хорошо, - медленно говорит Джон. Действительно же он имеет в виду: никакого результата.

Говорить с Шерлоком не должно быть похоже на сдачу устного экзамена, но в действительности это так.

- Эта гипотеза предполагает что?

Прислонившись к спинке дивана, Шерлок откидывает голову назад и закрывает глаза. Рассказывая, он свободно жестикулирует рукой.

- Ты – наименее раздражающий человек, которого я когда-либо встречал. Ты производишь из семьи среднего класса без каких-либо психических отклонений или тяги к преступности. У тебя есть высшее образование. Несмотря на то, что твоя работа низкооплачиваема, ты доктор, что подразумевает заботливость как личное качество и социальный статус, соответствующий данной профессии. Ты был военным врачом, что одновременно говорит о героизме и самопожертвовании, но без намёков на жестокость, которые обычно ассоциируются у общественности с солдатами. Сейчас ты ранен, опасность вернуться на поле боя тебе не угрожает. Мне продолжать?

Джон понятия не имеет, что всё это значит или почему Шерлок рассматривает его биографические данные словно важные предпосылки, но говорит:

- Да.

- Ты говоришь, людям нужна помощь, чтобы связать факты в единое целое. Это не указание фактов, это протаскивание тебя по каждой ступени, - жалуется Шерлок. Затем вздыхает и снова закрывает глаза.

- Ты надёжный, ответственный и внимательный. Вежливый, умный, и большинство нашло бы твоё чувство юмора обаятельным. Ты не отталкивающий.

Джон фыркает.

- Не отталкивающий? Я так польщён.

- Это факты, Джон. Я не имею привычки напрасно тратить время на бессмысленную

лесть. - Шерлок бросает на него пристальный невесёлый взгляд и затем добавляет: - Вдобавок, ты не особо молод, у тебя нет детей от прошлого брака, которые бы финансово и эмоционально стесняли новые отношения.

- Значит, ты имеешь в виду, - говорит Джон осторожно, медленно, потому что вообще не уверен, что Шерлок говорит всё это, - я выгодная партия?

- Для одинокой женщины твоего возраста ты стал бы хорошей перспективой будущего мужа, - то, как Шерлок произносит это, звучит очень отстранённо, очень теоретически. Как будто бы другие могли найти Джона привлекательным, но Шерлока больше интересовала возможность проверить теорию.

- И как это привело к тебе, меня целующему? - спрашивает Джон, а брови раздражённого Шерлока мгновенно опускаются.

- Я не специально. Я действительно не понимаю, Шерлок. Объясни.

- Ты с нежностью говоришь о своём детстве.

От того, как Шерлок меняет тему, любой может тронуться, думает Джон.

- Что?

- Ты вырос в Кенте и с теплотой вспоминаешь детство, и это повлияет и на твоих собственных детей - в предполагаемое для них детство не будет включён Лондон.

Джон всё ещё чувствует, что не понимает чего-то, но большинство фактов он уже может сложить. Это сумасшествие. Рехнуться можно. С другой стороны - это Шерлок.

- Ты целовал меня, чтобы я не женился, не завёл детей и не уехал за город?

- Это было бы вредно для моей работы, - Шерлок потянулся мимо Джона за уже холодным тостом. - Но это рабочая гипотеза. Я найду правильный подход.

Насколько Джон понял касательно этого вопроса, правильным подходом тут будет встать, найти ключи и пойти в местный паб посмотреть футбол, какая бы команда ни играла. Кружка

Гиннеса тоже поможет.

==== Часть 9 =====

На столе перед ним стоят два стакана - один пуст, а другой наполовину полон. По телевизору показывают повтор игры, которая была на прошлых выходных, Челси проигрывает 2:0. У Джона есть открытый пакет чипсов, и он абсолютно не думает о Шерлоке.

Он не думает о Шерлоке, который остался у него в кровати, ждущий его с работы, свернувшийся калачиком на не той стороне пухового одеяла и готовый тратить впустую часы, оставаясь там столько времени, сколько Джону потребуется, чтобы добраться до дома.

Он не думает о том, как всё это началось - с Шерлока, делающего покупки и целующего его на кухне, словно это было чем-то, чем они всё время занимались.

И он точно не думает о Шерлоке и его неправильном подходе. Шерлок описал его как самого перспективного жениха в Лондоне, и это не то, каким чувствует себя Джон. С его кошмарами, шрамом и постоянной угрозой стать бедняком, Джон сомневается, что может быть в топе чьего-то списка завидных женихов.

Не то чтобы это было чем-то, что Шерлок понимает.

Однозначно.

Джон не понимает, как кто-то настолько смыслённый может быть таким тугодумом. Джон не собирается сбежать с цирком, ни с кем серьёзно не встречается. Шерлок волнуется о чём-то, что ещё не произошло и может вовсе не случиться.

На экране Манчестер Юнайтед забивает гол, и толпа бушует. Джон делает глоток и пытается сфокусироваться на игре.

Он здесь не для того, чтобы думать о Шерлоке. Он здесь не для того, чтобы думать о тех низких звуках, которые издавал Шерлок, пока они целовались в кровати Джона, или о сладости того утреннего поцелуя, смешанного с ароматом горячего чая. Он должен бы знать, что Шерлок делал бы это неправильно, Шерлок бы не поцеловал его ни по одной из тех причин, по которым Джон хотел бы, чтобы его поцеловали.

О.

Джон позволяет своему лбу встретиться со столешницей.

Почему эта мысль не могла бы возникнуть у него вчера? Он живёт с одним из самых наблюдательных людей в мире. Как этот человек может быть таким рассеянным, таким самопомешанным? О, да, он легко позволил Шерлоку бессистемно целовать себя в качестве тайного эксперимента. В любые другие эксперименты - человеческие глазные яблоки в микроволновке или рисование мишени на листе, вывешивание его напротив стены и бросание туда различных вещей, чтобы измерить углубления, оставляемые ими в гипсокартоне - Джон вмешивается. Джон останавливает их. Он занимает твёрдую позицию и ограничивает Шерлока.

Но он отступил и позволил Шерлоку поцеловать себя, ни на секунду не задумавшись, потому что хотел, чтобы Шерлок сделал это.

Джон почувствовал бы себя самым большим дураком на свете, но он не тот, кто целуется с коллегами, чтобы они продолжали с ним работать. Нет, он просто дурак, который влюбился в самого большого дурака на свете.

Слева к нему обращается бармен:

- Все в порядке, старина? - и Джон первым делом стонет. Затем отрывает голову от стола. Скорее всего, его волосы сейчас воняют как выдохшееся пиво.

Бармен оглядывает его забавным взглядом, словно пытаясь вычислить, сколько Джон выпил. Что бы он ни увидел, это заставляет его спросить:

- Проблемы с подружкой?

- С парнем, - отвечает Джон, - но проблемы те же самые.

Бармен кивает на полупустой стакан Джона.

- Ещё одну?

- Пожалуй.

==== Часть 10 =====

Когда он возвращается, Шерлок лежит на диване, молясь на потолок. Он в тёмном костюме и светло-голубой рубашке, и на мгновение Джон надеется на отсрочку.

- У нас есть дело?

- Нет, - отвечает Шерлок, глаза его закрыты. Это выглядит так, словно он буквально медитирует на проблему. Джон никогда не спрашивал, поэтому не знает - это какая-то странная дзен-поза, или Шерлок просто любит складывать ладони во время размышлений, чтобы куда-то деть руки, раз он не может курить.

- Всё ещё думаешь, как не дать мне съехать? - спрашивает Джон, абсолютно уверенный, что уже знает ответ.

- Это должно было сработать, но не сработало, - Шерлок оглядывает Джона сверху донизу и наоборот, а затем вновь возвращается к потолку.

- В моих умозаключениях должно быть какое-то слабое место.

- На сколько пластырей?

- На один. - В качестве доказательства Шерлок подворачивает рукав рубашки. На его бледной, нежной коже на внутренней стороне запястья цвет пластыря напоминал больше абрикосовый, чем цвет кожи. - Менее безотлагательно, чем дело. Более отдалённый крайний срок.

Джон перемещает вес, и ему хочется, чтобы был стул, стоящий ближе к дивану. Все стулья слишком далеко для такого разговора, и ему лучше бы не взгромоздиться снова на журнальный столик. Он решает притащить рабочий стул и сесть на него.

- Может, тебе поможет, если мы поговорим об этом?

- Сомневаюсь, - говорит Шерлок, но смотрит на Джона. - Из того, что я о тебе знаю, это должно быть наилучшим решением.

- Возможно, твои предположения были неправильными. Может быть, ты упустил кое-какие факты.

- Например?

Джон сглатывает, сопротивляясь желанию сжать свою больную ногу.

- Например, то, что мне до сих пор снятся кошмары о войне, и я не сплю ночами. Моё плечо болит в холодные и влажные дни, которые в Лондоне всю зиму, и ещё эта психосоматическая хромота.

- Ты сейчас не хромаешь, - говорит Шерлок, закрывая глаза.

- В больнице, когда устаю. Не тогда, когда рядом ты, - Джон пожимает плечами. Это глупо, это смущает, но он уже проговорился. - Я думаю, моё подсознание знает, что ты умнее его. Если бы оно попробовало сделать это рядом с тобой, ты бы нашёл способ обмануть его и заставить подчиниться.

- Или могло случиться так, что в больнице тебе скучно, и нормальность обстановки создаёт для тебя дискомфорт: обыкновенные люди, чьи обыденные жизни заполнены кашлем, простудами и рабочими удостоверениями, - рассказывает Шерлок, и Джон задаётся вопросом, знал ли Шерлок об этом раньше. Быть обычным, не так ли? Единственные вещи, которых Шерлок не знает о Джоне - это те вещи, о которых не подозревает сам Джон, и даже тогда первым их обнаруживает Шерлок.

- Ты чувствуешь себя неуместным, и хромота - физическое проявление этого.

- Это равноценный обмен, - говорит Джон, защищаясь, несмотря на то, что Шерлок в чём-то прав. Не всегда, не постоянно, но определённо бывают моменты, когда он смотрит на ослепительно-белые стены и стерильные инструменты и задумывается о том, как он удосужился делать это после песчаной пустыни и потребности обходиться тем, что есть, в Афганистане. Иными временами ему это нравится; нравятся перерывы на кофе с Сарой, пожелания доброго утра людям, имена которых он знает, нравится помогать людям проживать их унылые, обыденные, мирные, счастливые жизни.

- Ненужный, - говорит Шерлок. Очевидно, равноценный обмен - это то, что относится к обычным, скучным людям.

- Во-вторых, в то время как женщины могли бы говорить о том, чтобы выйти замуж за врача, они бы имели в виду специалиста, водящего BMW и справляющего праздники в Альпах. Они бы не имели в виду того, кому за тридцать, с пенсией солдата, которому нужен сожитель, чтобы жить в Лондоне, и того, кто использует телефон, которым пользовалась его сестра.

- Неважно.

- Действительно, - Джон корчит гримасу.

- У женщины, просто ищущей материальную поддержку и финансовый комфорт, ты не будешь в приоритете. Ясно, что не все рассматривают экономическую выгоду до вступления в брак, - говорит Шерлок. Он сцепляет пальцы и крутит ими, поворачивая запястья.

- Если это - уровень твоих размышлений, то этот процесс мог бы быть более продуктивным без твоего вмешательства.

Джон игнорирует отстранённость в голосе Шерлока. Нужна толстокожесть, чтобы иметь дело с Шерлоком.

- Что тебя заставило подумать, что если будешь меня целовать, я не женюсь?

- Твой свитер.

Джон смотрит вниз на свой коричневый кардиган, который в данный момент был на нём. Он вполне уверен, что кардиганы — это вовсе не приглашение к поцелуям, но, возможно, он неправ.

- Мой свитер?

- Не именно этот, - отвечает Шерлок, раздражённый тем, что весь мир не может поспеть за каждой выраженной им мыслью. - Тот, который ты носил, когда мы впервые осматривали квартиру. Серо-жёлтый, аранского вязания[1] свитер с круглым горлом. Цвет не подходит, форма не льстит тебе, но он был дорогой и хорошего качества. Это был чей-то подарок. Ты мог бы пойти и купить другой, но он теплый, и было бы практично надеть его, как ты и сделал. Это удобно.

- Ты думаешь, что я слишком ленив, чтобы пойти в магазин и купить джемпер получше?

- Не ленив сам по себе. Просто усилие, которое придётся затратить на покупку нового, не является необходимым, когда у тебя уже есть тёплый свитер, не требующий никаких затрат.

Во вспышке ясности Джон вдруг понимает. Он готов рассмеяться.

- Ты был удобным. Ты пошёл за покупками, заставил миссис Хадсон сделать мне чай. Ты ждал меня в моей постели. Ты делал себя удобным выбором. Если я такой ленивый придурок, чтобы пойти и купить новый джемпер, я также слишком ленив, чтобы встречаться с другими людьми, когда у меня дома есть секс по первому требованию.

- Это должно было сработать, - говорит Шерлок с хмурым видом, чуть ли не скорчив гримасу. - Намёки были достаточно ясными, никаких изменений с твоей стороны не требовалось, это бы просто вписалось в установленные нами правила. Проблемы не должно было быть.

- Но я спросил почему, что не сработало с движением наименьшего сопротивления на пути к сексу, - говорит Джон, думая о раздраженной реакции Шерлока. Он тщательно продумал план, начал воплощать его в жизнь, и в последнюю минуту Джон возразил и подействовал не по плану. Шерлок был в замешательстве из-за того, что его схема оказалась неудачной.

- Тебе следовало спросить меня о джемпере.

- Действительно? - глаза Шерлока сужаются. - Почему?

Есть что-то захватывающее в безраздельном внимании Шерлока, наблюдающего за ним, как за головоломкой, которую надо решить. Оно заставляет что-то сжиматься в груди Джона, со вспышкой адреналина, которая заставляет его улыбаться и попадать в безумные ситуации.

- Это не удобство. Когда я был на войне, я звонил маме, когда мог, каждые несколько недель

или около того. Я говорил ей, что чувствую себя хорошо, и жаловался на пищу и погоду. Я имею в виду, ты не можешь жаловаться, смотря на двадцатилетнего ребенка, истекающего кровью, в этот момент находясь под артиллерийским огнём, или смотря на кадрового солдата, которого посылаешь домой с одной ногой и ожогами на тридцать процентов тела. Ты не хочешь, чтобы люди беспокоились. Поэтому говоришь о погоде.

Шерлок застыл, словно мраморный, наблюдая за ним и слушая каждое слово. Джон так легко мог привыкнуть к этому вниманию.

- Мы не семья писмописцев, поэтому я никогда не получал почту. Но однажды мне из дома пришла посылка. Толстый джемпер, который согревал бы в холодные ночи, цвета, который был бы незаметен на песке. В армии нет выходных, в которые мы могли бы носить всё, что хотим. Но это было частью дома, напоминанием о людях, которых волнует, жив я или мёртв. Поэтому я его сохранил.

- Всегда есть что-то, - говорит Шерлок, немного сожалеюще. - Так трудно угадать все детали.

Джон чувствует, что улыбается.

- Это имеет значение?

- Это много говорит о том, что ты считаешь стоящим, чтобы хранить в своей жизни. Эмоциональная привязанность весьма отличается от удобства.

Шерлок садится, кивая сам себе и разворачивая ноги.

- Я должен был сосредоточиться на Саре.

- Извини?

- Это совершенно логично, Джон. Если эмоциональная привязанность является главной, тогда лучше поставить в приоритет кого-то, кто вырос в Лондоне и имеет личную заинтересованность в том, чтобы остаться. Сара гордится тем, что управляет больницей, и она любит город. В то время как она относится ко мне без всякой нежности, она считает мою работу важной и, вероятно, полагает, что ты спасаешь жизни, помогая мне.

Джон чувствует, что его мозг застыл в нулевой точке. Переключаться так внезапно он может лишь ограниченное количество раз в день.

- Шерлок?

- Ты наслаждаешься опасностью того, что мы делаем. Очевидно, что пока ты был в Лондоне, ты нашёл бы любое оправдание своему вовлечению, - говорит Шерлок, его руки двигаются быстрее по мере того, как приходят мысли. - Если бы у тебя была супруга, поддерживающая это, и тебе бы не требовалось врать о том, где ты был и что делал, ты бы всё ещё участвовал в раскрытии дел. Я был слишком близорук, слишком сосредоточен на том, чтобы удержать тебя здесь, я должен был знать...

- Шерлок! - перебивает Джон, и тот моргает, вспоминая, что помимо него в комнате есть кто-то ещё. - Сара с кем-то встречается, помнишь?

Шерлок отмечает эту мысль одной рукой.

- Мы можем с этим справиться. Романы с бывшими, как всем известно, хрупки.
- Ты не можешь разрушить её отношения, чтобы свести нас, - говорит Джон и Шерлок фыркает.
- Ну, очевидно, ты, вероятно, мог бы, но я прошу тебя, не надо. Пожалуйста.
- Это самое логичное решение, Джон.
- Как насчёт... - Джон подходит к дивану и садится на свободную подушку. - Просто попросить меня остаться?
- Это бы недолго имело успех, - говорит Шерлок, поворачиваясь к Джону. - Люди остаются, пока у них есть личный мотив. Выраженное мной желание, чтобы ты остался, повлияло бы на твои решения лишь до того, как не появилась бы более сильная эмоциональная связь с кем-то ещё.
- Может, ты должен взять себя в руки, - Джон слышит свой голос словно со стороны. - Может, ты должен быть единственным, с кем у меня будет эмоциональная связь.

Хриплый смешок, и Шерлок застывает, повернув голову к Джону.

- Это не было шуткой, - медленно говорит он.

Шерлок выглядит таким удивлённым, словно на его глазах пингвин порозовел и запел Аве Марию. Джон замечает, как Шерлок бросает короткий взгляд на руку, к которой прилеплен никотиновый пластырь, в долю секунды напоминая себе, что чист.

- Я серьёзно.

- Джон, я не... - начинает Шерлок, затем предпринимает вторую попытку, - есть много причин... - и, наконец, - это абсолютно иррационально.

- Я нравлюсь тебе, - отвечает Джон. - Ты считаешь, что я наименее раздражающий человек в Лондоне.

- Я сказал, что ты наименее раздражающий человек, которого я знаю. Я действительно не могу говорить обо всей области Большого Лондона, - Шерлок хмурится и добавляет, - я просто имел в виду, что я выношу твою компанию более легко, чем чью-либо ещё. Это не было обетом вечного обожания.

- И всё же, ты сидишь здесь, продумывая схемы, которые могли бы заставить меня остаться, - говорит Джон, в восторге от невозможности всего этого. - Давай упростим. Ты мне нравишься, и я посчитаю нормальным целоваться с тобой на регулярной основе. Поэтому скажи, что я тебе нравлюсь, попроси меня остаться и поцелуй.

- Я думаю, что ты слишком уж упрощаешь проблему, - говорит Шерлок, но не выглядит несчастным по этому поводу. Скорее... осторожным.

- Ты как раз любишь, чтобы всё было сложным настолько, чтобы только ты мог понять это, - с лёгкостью отвечает Джон. - Попробуй. Худшее, что может случиться - ты опять вернёшься к своим макиавеллиевским[2] заговорам.

- Никколо Макиавелли одобрил бы небольшое количество обмана во имя большего блага для всех, но это не то, что большинство людей имеет в виду, когда они говорят макиавеллиевский.

- Ты тянешь резину, - поддразнивает Джон.

Шерлок выглядит так, словно не знает, должен ли он улыбнуться, но хочет.

- Я думаю.

- Сколько тебе вздумается.

- Я провёл с тобой больше времени, чем я когда-либо ожидал потратить на соседа по квартире и, несмотря на все факты, которые я иначе должен осознать, я нахожу себя... - Шерлок глубоко вдыхает, качая головой. Тогда он встречает взгляд Джона, наклоняется вперёд и говорит:

- Я люблю тебя. Остайся. - И нежно целует Джона.

Это - шестой раз, когда Шерлок целует его. И после Джон перестаёт считать.

Примечания переводчика:

[1]Аранское вязание — стиль вязания, при котором образуется узор из переплетения кос и скрещивания петель; стиль происходит родом из Ирландии, с островов Аран, которые дали стилю название. Изначально это стиль вязания свитеров, так называемых «рыбацких» — большая часть населения данных островов занимается рыболовством.

[2]Макиавеллиевский — беспринципный, циничный, хитроумный, бессовестный, бесчестный.